

Ателье Нефритового Санда и Осени славилось как крупнейшая портновская лавка во всём мире самосовершенствования. Здесь шили наряды для людей, демонов и даже призраков. Каждое деяние, выходящее из-под рук тамошних умельцев, поражало изяществом, отчего и цены кусались невероятно.

Находились, конечно, смельчаки, пытавшиеся выведать секреты их мастерства, однако едва заглянув в пошивочную, они в ужасе разбежались. Дело в том, что, помимо управляющего и зазывал, вся портновская братия состояла из призрачных теней.

В самом «Нефритовом Сандале и Осени» утверждали, будто эти мастера — теньевые слуги, сошедшие на землю тени небесной Ткачихи. Мол, смиловилась она над смертными, страдающими без доброго платья, и дала великий обет: сшить в поднебесной сто миллионов одеяний. Лишь когда каждый обретет свой наряд, она сможет с чистой совестью вернуться в Небесные Чертоги.

Звучало это... как обычная бахвальная ложь, с помощью которой ателье набивало себе цену. Куда вероятнее, что эти тени принадлежали выдающимся портным прошлых эпох. Сам человек давно почил, а вот его тень, страстно влюблённая в иголку с ниткой и шелка, со временем обрела дух и осталась служить в лавке.

Янь Фэйду предпочитал заказывать одежду именно здесь по двум причинам: шьют безупречно, да и разговорами лишними не донимают — тишина и покой.

В час Дракона, ровно в назначенное время, прибыли теньевые слуги. Когда марионетка с духовным сосудом пошла отворять двери, Хан Цзянсюэ из любопытства увязался следом.

За порогом никого не было.

Лишь прямо перед входом стоял огромный сундук. Крышка его оставалась слегка приподнятой, и из щели выглядывали отрезки ткани. А под самым сундуком темнели несколько человеческих теней, склонившихся в низком поклоне.

— Входите, — раздалось позволение Янь Фэйду.

Получив разрешение, тени бесшумно соскользнули в дом, а за ними в воздух поднялся и тяжелый сундук.

Маленький кролик вприпрыжку устремился следом. Ушки его забавно колыхались на ходу. Он старательно огибал распластанные по полу силуэты, не подозревая, что теньевые слуги уже приглядываются к нему со всех сторон, срисовывая мерки на глаз.

Едва оказавшись в гостиной, тени по знаку Янь Фэйду поднялись с пола и обрели объем. Некоторые предстали в образах мужчин в уборах ученых, другие — в виде дев с цветами в волосах. Они ловко отомкнули сундук, извлекли на свет божий отрезки шелка, кисти, тушь, бумагу, мерные ленты и чинно разложили всё это на столе.

Заметив, что пушистый зверёк всё ещё торчит у порога, выставив наружу лишь длинные уши да круглые блестящие глазенки — будто проводил строгий осмотр, — Янь Фэйду окликнул его:

— Чего замер? Входи, пора снимать мерки и подбирать ткань.

Хан Цзянсюэ в некотором замешательстве прошмыгнул в комнату. Первым делом он несмело тронул лапкой теневого слугу. Убедившись, что тот на ощупь прохладный и гладкий, совсем как шелковая ткань, кролик тут же юркнул к Янь Фэйду и вцепился зубами в край его штанины.

— Я ведь впервые в жизни шью себе одежду... — прошептал ушастый, с опаской поглядывая на молчаливые тени, будто боясь дунуть на них и развеять по ветру.

— А в чём же ты ходил раньше? — спросил Янь Фэйду, разглядывая предложенный отрезок серебристого шелка с изящными узорами из облаков. Цвет казался весьма недурным.

— Что-то другие давали, что-то сам шил! Да только лапки от этого так устают, что за все годы я лишь один наряд и осилил!

Хан Цзянсюэ вспомнил дни, проведённые в гнезде мамы-кошки. Что котята, что крольчата — большинство из них в детстве бегают в истинном обличье, то есть совершенно голышом! Какой пушистый зверёк станет носить одежду с самого рождения? Лишь когда они подросли, мама-кошка заявила, что взрослым котам и кроликам не пристало сверкать голым задом, и купила у прохожего торговца-демона по комплекту одежды — для звериного и человеческого обличий.

Тот единственный лишний наряд, который имелся у Хан Цзянсюэ, был «костюмом мечника-бессмертного», сшитым собственными лапками! Хотя внешне он походил на обычный короткий рабочий халат и к бессмертным мечам не имел ни малейшего отношения.

Так что отдавать себя на волю портных ему выпадало впервые. Хан Цзянсюэ смотрел на приближающуюся к нему тень и беспрестанно глубоко вздыхал.

— Стой ровно, как обычно, — произнёс Янь Фэйду, заметив волнение ушастого.

Едва теневая лента приблизилась, Хан Цзянсюэ тут же гордо выпятил грудь колесом, а упитанный животик изо всех сил втянул в себя! Ушастый принял невероятно величественную и исполненную мощи позу для снятия мерок!

Янь Фэйду про себя улыбнулся: оказывается, тот вовсе не нервничал, а просто затаил дыхание, пытаясь спрятать свой кроличий живот.

Теневой слуга безмолвствовал — возразить он всё равно не мог. Янь Фэйду прилег на мягкую кушетку, разглядывая ткани и изредка поглядывая на зверька, который то судорожно выдыхал, то снова набирал полный живот воздуха. Похоже, теневой слуга тоже впервые столкнулся с подобным: отчего этот покупатель то худеет, то раздувается прямо на глазах?

— Коли продолжишь изображать морского конька, собравшегося метать икру, теневой слуга никогда не скроит тебе платья, — Янь Фэйду отложил ткань, наблюдая, как грудь и брюшко кролика вздымаются вверх и вниз, отчего весь он подпрыгивал на месте. Удержаться от смеха было выше сил бессмертного.

«Морского конька?!»

Хан Цзянсюэ был сражён наповал. Он потрогал лапкой свой мягкий животик — где это видано, чтобы он походил на морского конька!

Янь Фэйду тем временем взял отрезок розовой ткани и примерил его к кролику издали.

— Одежда должна подходить тебе, а не ты подстраиваться под одежду. Если сшить наряд по этим кривым меркам, как ты его носить станешь? Разве что в море выбросить — морским конькам на забаву. — Янь Фэйду отложил розовый шелк, решив, что тот плохо сочетается с мехом.

— Ну уж нет! — опомнился ушастый после такой «угрозы». Он тут же с облегчением выдохнул, полностью расслабил животик и позволил тени снять честные мерки.

Впрочем, Хан Цзянсюэ всё равно мечтал о каком-нибудь величественном одеянии! А уступил он сейчас лишь потому, что не хотел отдавать свои вещи морским конькам!

Между тем теневой слуга не ограничился туловищем: он измерил лапки ушастого и даже длину его ушей.

Хан Цзянсюэ с недоумением воззрился на Янь Фэйду, и тот подал ему знак приблизиться. Едва кролик вскочил на кушетку, бессмертный принялся прикладывать к нему ткани самых разных оттенков.

— Хороший гардероб требует полноты: шапочки, украшения для волос, ленты, зимний шарф, летние шелковые пояса и, разумеется, обувь. Нельзя ведь чаевничать, любоваться цветами и пить вино в одном и том же платье.

Хан Цзянсюэ слушал, полностью ошеломлённый. Хотя он и прочёл немало книжонок, все они

повествовали о битвах с демонами да о подвигах великих мастеров. Янь Фэйду стал первым человеком, с которым он сошёлся так близко, и все познания о людском роде кролик черпал от него.

Почесав ухо, ушастый вздохнул так тяжело, будто отбыл день на жестоких занятиях:

— Быть человеком так утомительно... Столько у вас всяких тонкостей!

Янь Фэйду был с ним абсолютно согласен. Впрочем, окажись здесь его друзья, они непременно плюнули бы в сердцах: это ты, Янь Фэйду, слишком прихотлив!

Закончив подбирать отрезы, Янь Фэйду спросил, какие цвета нравятся самому Хан Цзянсюэ.

Кролик без колебаний ткнул лапкой в сочно-зеленую ткань, а затем в ярко-алую.

Красный с зелёным — кричащее, режущее глаз сочетание.

Янь Фэйду на мгновение задумался, а после поднял глаза на теневого портного:

— Из красного сшейте маленькую зимнюю накидку, а из зелёного — легкую летнюю рубаху.

Теневой слуга почтительно наклонил голову и зашуршал кистью по бумаге. На столе уже красовалась внушительная стопка исписанных листов.

Чего там только не было: толщина одежд, отделка краев, узоры для вышивки на рукавах, парча с тайным рисунком, строгие однотонные ткани, платья, украшенные жемчугом и самоцветами; на лето — деревянные гэта, для ежедневной носки — тканевые сапожки на многослойной подошве, да ещё и указания, какие нити брать для каждого шва...

Разобравшись с нарядами для ушастого, Янь Фэйду поднялся и ушёл за ширму. Несколько теневых слуг с лентами устремились за ним — пришла пора снимать мерки с хозяина.

Хан Цзянсюэ бросил взгляд на стопку исписанной бумаги, и у него тут же кругом пошла голова. Потеряв из виду Янь Фэйду, он встал на задние лапки и принялся оглядываться. Вспомнив, как бессмертный только что дал ему столько дельных советов, кролик решил... что обязан отплатить тем же и дать пару советов господину!

Прыгучести ушастому было не занимать: оттолкнувшись от мягкой кушетки, он одним махом перелетел через ширму!

Однако, не успел Хан Цзянсюэ вымолвить и слова, как со всего размаху врезался в гладкую,

крепкую грудь!

Соскальзывая вниз, кролик щекой и лапками ощутил тепло живой кожи. Едва он не долетел до талии, как Янь Фэйду подхватил его за шкуру.

Оказавшись нос к носу с бессмертным, ушастый хихикнул:

— Бессмертный, я тоже пришёл посмотреть, как с тебя снимают мерки!

Янь Фэйду как раз собирался заказать новую ночную рубашку, отчего скинул верхнее платье. Белоснежная кожа, точеные мышцы и узкая, налитая силой талия — всё было открыто взору.

Это происходило уже не впервые. Разве обычные коты ведут себя подобным образом?

Ведь сам Янь Фэйду вовсе не тискал кролика, пока с того снимали мерки!

— Бесстыдник этакий, — негромко произнёс Янь Фэйду и, отставив ушастого в сторону, молча накинул халат.

Хан Цзянсюэ замер на мгновение, а потом спохватился и запричитал:

— Я не нарочно подглядывал! Я лишь хотел подсказать, какой цвет платья тебе к лицу!

Янь Фэйду опустил взор:

— И какой же?

Кролик ткнул лапкой в ткань, которую держал один из теневых слуг:

— Вот этот, жёлтый!

Янь Фэйду глянул наискось — батюшки, редчайший, грязно-жёлтый оттенок. В таком наряде даже ему вряд ли удалось бы сохранить величественный вид.

А ушастый между тем гордо выпятил пушистую грудку, всем видом показывая свою чистую совесть:

— И вообще, никакой я не бесстыдник! Просто случайно увидел! Если хочешь, можешь и на меня посмотреть!

С этими словами Хан Цзянсюэ снова выставил вперед свой пушистый бюст, но глаза его всё равно косились на крепкую грудь бессмертного.

Янь Фэйду без лишних слов выставил кролика за ширму.

Хан Цзянсюэ лишь развёл лапками, словно выказывая крайнее снисхождение.

Ах, до чего же бессмертный застенчив! Коли тело такое красивое, отчего бы не показать? Будь у самого кролика такая фигура, он бы целыми днями ходил с голым торсом!

Когда теневые слуги закончили снимать мерки и удалились, оставленная ими стопка записей походила на толстую книгу.

В галерее раздались шаги — это марионетка с духовным сосудом несла хозяину угощение.

Нынешнее тело Янь Фэйду наконец позволяло отведать земной пищи. К чаю ему подали сладости, а Хан Цзянсюэ к пирожным получил кувшинчик морковного сока.

Забыв о недавней стычке, ушастый с аппетитным чавканьем уплетал сладкие прохладные пирожные из маша.

Янь Фэйду сделал глоток чая, взял кисть и стал составлять распорядок дня для кролика. Похоже, от безделья у того в голове крутились не те мысли. Пусть с завтрашнего дня займется делом — глядишь, и помыслы станут чище.

За окном раздался шум крыльев — вернулся деревянный коршун.

Хан Цзянсюэ наблюдал, как птица подлетает всё ближе, пока не опустилась прямо рядом с ним.

Грудка коршуна раскрылась, явив сокровище внутри письмо.

— Это мне?

Хан Цзянсюэ отставил чашку, встал на цыпочки и вытащил послание. Это был ответ из Уединенной Обители.

— Сестрица прислала ответ!

Ушастый развернул бумагу. Кошки пишут размашисто и коротко — на листе темнела всего лишь пара строчек.

«Всё поняла. Не думала, что ты сыщешь столь хорошего хозяина. Лови мышей прилежно, не посрами наш род. У матушки всё в порядке, не переживай».

Сестрица Сянчжэнь черкнула пару скупых фраз, отчего кролик даже замялся, не зная, что отвечать. Впрочем, убедившись, что с родными всё благополучно, ушастый аккуратно сложил письмо и потрусил к себе в комнату.

Едва переступив порог, он обернулся и крикнул Янь Фэйду:

— Бессмертный! Я сейчас вернусь, будем вместе чай пить и сладости кушать!

Топот кроличьих лапок утих вдали. Янь Фэйду отложил кисть, сделал ещё глоток чая и вдруг подумал, что тот утратил прежний вкус.

Скушав кусочек пирожного, которое так нахваливал Хан Цзянсюэ, бессмертный слегка нахмурился и пробормотал: «Слишком сладко», — однако съел всё до последнего кусочка.

Сянчжэнь, отправив письмо, привычно дозора вала вокруг Уединенной Обители.

Едва хоть одна мышь дерзнет высунуть нос — ей конец!

Сянчжэнь свирепо выпустила коготки!

В небе пролетела птица, и серо-серебристая кошка невольно подняла голову. Что поделать, кошки всегда заглядываются на бабочек, цветы да пернатых.

— Долетело ли письмо?..

Матушки рядом не было. Похоже, у той появились какие-то дела, отчего она и отослала кролика из гор. Сянчжэнь, разумеется, покрывала их, вот только что за дела могли появиться у матушки?

Пока кошка сидела у дороги, погруженная в раздумья, мимо проходили двое суаньши и неспешно беседовали:

— Отчего это дорогу к горе Туло запечатали? Я ведь хотел прикупить там шелка земляного шелкопряда.

— Да там день-деньской гроза и молнии гремят! Кто ж туда пройдет? Вот и перекрыли.

— Ого! Неужто кто-то небесную карательную грозу проходит?

<http://bllate.org/book/20471/2131228>